

Лада
Кутузова

Мертвый
месяц

16+

Лада Кутузова
Мертвый месяц

«Автор»

2019

Кутузова Л.

Мертвый месяц / Л. Кутузова — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-08766-8

Группа студентов приезжает в заброшенную деревню, чтобы встретить Хэллоуин. Они не знают, что давным-давно в этом месте существовал культ бога, исполняющего желания. А несколько лет назад на старом кладбище погибли люди. Теперь студенты стремятся выбраться из проклятой деревни, а мертвые просто хотят жить. Жить любой ценой.

ISBN 978-5-532-08766-8

© Кутузова Л., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Моркина гора	7
Глава вторая. Праздник к нам приходит	11
Глава третья. Старое кладбище	15
Интерлюдия первая. Незваные гости	19
Глава четвертая. Мертвые	21
Глава пятая. Куколка	25
Глава шестая. Шашлыки	28
Глава седьмая. Письмо писателю	31
Интерлюдия вторая. Дорога в тумане	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лада Кутузова

Мертвый месяц

*Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана.
«Буду резать, буду бить
Все равно тебе не жить».*

Пролог

Людей создали боги – это верно. Верно и обратное: люди создали богов. Разных. Добрых и злых, умных и не очень, кровожадных и милосердных. А потом люди придумали ритуалы, чтобы кормить богов.

Я – бог, исполняющий желания. Любые. Всего-то и надо, что прийти ко мне и сыграть в игру. Где ставка с моей стороны – мечта человека, с его – жизнь.

Глава первая. Моркина гора

Снег в этом году выпал рано. Обычно он ложился на землю ближе к Новому году, а тут решил побить все рекорды и нагрязнеть в октябре. В Москве снег быстро таял: в большом городе слишком тепло от домов, фонарей и коммуникаций. А здесь, за городом, он задержался, заявляя свои права на мир задолго до наступления зимы. Никита не сомневался, что через неделю осень не оставит от снега и следа, но пока тот делал вид, что он тут навеки.

Сегодня утром Никита с друзьями приехал в деревню своего детства. Когда-то его отправляли сюда на все лето к прабабке дышать свежим, не то что в Москве, воздухом и принимать солнечные ванны. С тех пор прошло много лет, все изменилось: дома пустовали без людей, дворы поросли бурьяном, а провода и вовсе отсутствовали – их давно уже срезали. Одним словом, запустенье. Перед поездкой бабушка вручила Никите гостинцы для оставшихся в деревне жителей, наказав внуку передать от нее привет.

Он не спорил: надо – так надо. Младший брат на месте Никиты начал бы страдать, что у него много важных дел, да кому это нужно и все в том же духе, теряя из-за нытья еще больше времени. И все это вместо того, чтобы потратить от силы полчаса-час, пока топится печь в прабабкином доме. Сам Никита крепко запомнил то, что сказал отец: один из основных навыков человечества – умение общаться, заводить друзей. Можно быть семи пядей во лбу, но без связей и помощи своих ничего не добьешься. Никита был с отцом согласен, он и сам поддерживал со всеми хорошие отношения – так проще. А потому его чаще других из класса приглашали на дни рождения и праздники.

Прямо сейчас Никита стоял на крыльце соседнего дома вместе с Костей и Ниной. Ребята уже минут десять ждали, когда им откроют. Хотя из трубы шел дым, признаков жизни дом не подавал. Никита пожал плечами и начал разворачиваться, как дверь резко распахнулась.

– Я думал, мне померещилось, что стучит кто. А тут и на самом деле люди.

Возникший в проеме дед, казалось, перешагнул за столетний рубеж: тонкая, как пергамент, кожа, покрытая пигментными пятнами, тусклые глаза, пушок вместо волос. Дед был одет в теплую фуфайку, ватные штаны, на ногах – валенки.

– Здравствуй, я Никита Кузьмин, – представился парень. – Правнук бабы Тони. Она в том доме жила, – он махнул себе за спину.

Дед близоруко прищурился.

– Какой Тони? – не понял он сразу. – А-а, Тоньки, которая у нас бухгалтером работала? Помню. Ее дочь в город забрала, она там пожила немного, да и померла.

Он присмотрелся:

– И тебя помню! Ты совсем мелким был, когда в последний раз приезжал – в первый класс собирался. Хвастался все.

Никита улыбнулся: дед перепутал его с младшим братом, но сообщать об этом не стал.

– А меня Николай Дмитричем кличут, – дед пригласил ребят в дом. – Давайте, я вас чаем напою.

Они сидели на кухне. Никите показалось, что дед здесь и ночует – тут же стояла железная кровать с пышным матрасом и двумя подушками. Наверное, из-за экономии дров – чтобы протопить избу, их много надо. Дед расспрашивал Никиту про родных, куда поступил.

– Нас тут всего два дома и осталось: мой да Зинаиды Павловны, все остальные пустуют.

– Не страшно? – в разговор влез Костя, который, похоже, успел заскучать, пока Никита выкладывал про свою жизнь.

– А чего бояться? – дед пожал плечами. – Брат у меня нечего.

– Ну если заболете или вдруг что случится? – начал развивать любимую тему Костя.

Никита мысленно вздохнул: Костю хлебом не корми, дай нагнести. Вот и сейчас не удержался. Николай Дмитрич махнул рукой:

– Помру, так помру. Все равно у меня никого не осталось. А в интернат для стариков не хочу, лучше в своем доме доживать.

Никита спохватился и вручил пакет со сладостями:

– Это вам от бабушки. И привет от нее.

Дед обрадовался и от гостинца отказываться не стал:

– Помнит, значит! Спасибо ей передай. А то до магазина идти далеко, а продуктовая лавка редко приезжает. Да и как дождь пройдет, так все – не дорога, а болото, любая машина завязнет.

Николай Дмитрич разлил чай из самовара и подвинул ребятам конфетницу с лимонной карамелью.

– Пейте, не бойтесь, – подмигнул дед, – у меня можно. А вот у Зинки не советую ничего в рот брать, особенно ей.

Он ткнул скрюченным пальцем с желтым ногтем в Нину.

– Плохо готовит? – сострил Костя.

Дед зашелся в звонком хохоте:

– А ты юморист, парень. Давно так не смеялся. Не в этом дело. Зинка она... – дед замылся. – Она порченная. В ней будто кто живет.

Никита переглянулся с приятелями: немудрено сойти с ума в такой глуши, здесь телевизора нет, интернет не ловится. И телефонный сигнал слабый.

– И говорят, – дед перешел на шепот, – Зинка эту порчу передать может. Вместе с едой.

Никита кивнул. Дед недоверчиво посмотрел на него:

– Ну в общем, я вас предупредил. Так что не обижайтесь, если что.

Ребята посидели для приличия еще пять минут и засобирались обратно.

– Подождите, – спохватился дед.

Он чуть ли не бегом отправился в соседнюю комнату и принес оттуда книжку.

– Мне ее прошлым летом писатель подарил, – похвастался дед. – Специально за этим приезжал. «Мертвый месяц» называется.

Никита посмотрел на обложку: стального цвета с огромной бледно-желтой луной, на фоне которой темнел деревянный идол. Ни имя автора, ни название книги ему ничего не говорили. Николай Дмитрич пихнул книгу Никите:

– Мне-то она незачем, я и букв не вижу. А ты молодой, считаешь.

Никита хотел отказаться, но книгу перехватила Нина:

– Я слышала про этого писателя, – сказала она, – популярный. А вы его знаете?

Дед, видимо, ждал этого вопроса.

– Я ему жизнь спас.

– Ого! – нарочито громко изумился Костя.

– Лет десять тому назад, а может, и поболее. Память уже не та, путаюсь.

Никита сделал зверское лицо: мол, зачем спросил? Теперь слушай все это. Но деваться было некуда, он встал в проеме двери, подперев плечом косяк.

– Тоже конец октября был или начало ноября, не помню, – задумался дед. – Дождь весь день шел. И вдруг ребята откуда-то приехали. Или пешком пришли, машины-то я не видал. Вроде четыре парня и две девки. В крайнем доме остановились, он давно пустовал.

Дед погрузился в себя: видимо, вспоминал.

– Точно! Тридцать первое октября было! Я протокол, когда подписывал, запомнил. А тогда ночь уж на дворе, я спать ложился. Вдруг слышу – стук в дверь. Открыл, а их двое на крыльце, почти без сознания.

Он оживился:

– Я их еле в избу заволок и побежал к Зинке-то, чтобы она скорую вызвала. У ей тогда еще аппарат работал. А сам обратно, этих в чувство приводить.

– А что с ними было? – заинтересовалась Нина.

– Так ничего, – дед развел руками. – Пришли в себя в больнице, все путем. А вот четверым меньше повезло. Их на старом кладбище нашли, мертвыми.

Воцарилась тишина.

– А что с теми произошло? – спросил Никита. Его пробил рассказ деда.

– Ничего, – кратко повторил тот. – Следствие ничего не установило. Сказали, что остановка сердца.

– У всех четверых? – недоверчиво протянула Нина.

– За что купил, за то и продаю, – отрезал дед.

Ребята переглянулись.

– А спасенные что-то говорили?

Дед помотал головой:

– Так без сознания были. А в больнице я их не навещал. Кто меня к ним пустит? Я ж не сродственник чей-то.

– А когда писатель приезжал, он что-то сказал? – Нину тоже зацепила эта загадка.

– Сказал, что в книге все написано. Если до отъезда прочтете, расскажите, что у них тогда произошло. А то я всю голову сломал.

Нина кивнула:

– Я быстро читаю. Завтра зайду.

Друзья, наконец, покинули дом Николая Дмитриевича. Нина сразу же залезла в книгу:

– Кажется, триллер, судя по аннотации. Причем с хоррором.

– Будешь читать? – Никита не сомневался в ответе.

– Так, загляну.

Ага, заглянет она. Полистает книгу, а потом окажется, что все прочтала. С пятого класса они вместе, но никто так и не понял, как Нине это удастся. Но она во всем такая. Училась на одни пятерки, закончила лицей с медалью и с золотым значком ГТО. Да еще и поступила в один из самых крутых вузов для студентов с квадратной головой. Хотя Никитин вуз тоже находится в пятерке топовых институтов. Но все равно, Нина – это супермозг, никому за ней не угнаться.

Они вошли в дом Никитиной прабабушки. Дом уже прогрелся. Ребята, как приехали, первым делом затопили печь, благо в поленице имелись дрова. Никита даже специально скачал себе гайд – учебное видео, потому как детских воспоминаний не хватало. Но все равно, инициативу перетянула Нина. Не было, наверное, ничего в этой жизни, о чем она бы не имела представление. Она едва не отправила Костю на крышу – чистить дымоход, но им повезло, печь подымила совсем немного, так что никому рисковать не пришлось.

– Так, – скомандовала Нина, – Вы двое на колонку за водой.

– Зачем? – удивился Никита. – Мы же с собой привезли.

Нина посмотрела на него, как на тяжелобольного.

– А уборку делать не надо? Вы собираетесь в грязи жить?

Никита чуть не застонал. И стоило из дома уезжать, чтобы и здесь столкнуться с нравочениями? Но спорить смысла не было: Нина вручила им ведра.

Колонка работала. Никита дернул за ручку, и полилась вода, ледяная. Он не удержался и брызнул на друга, после чего пришлось прерваться и срочно убежать. Вернулись разгоряченные, но Нина велела ставить ведра на печь и тут же дала охапку половиков, мол, идите выбивайте. Костя расстелил дорожки на снегу, а Никита принялся стучать по ним хлопалкой, поднялась пыль. Вскоре снег вокруг посерел, а друзья расчихались.

– Вот так люди все портят, – философски заметил Костя. – «Серый снег, бурый лед на потрескавшейся земле», – переиначил он известную песню.

– Да ладно, – не согласился Никита, – пыль и без людей образуется.
– Но больше всего от человеческой кожи. Прикинь, мы дышим кожей твоей умершей прабабки. Заразимся через нее, состаримся и умрем!
Они рассмеялись.

...Нина, сколько себя помнила, всегда любила чистоту и порядок. И с других требовала. Дома за родителями все поправляла, здесь тоже взялась наводить порядок. Пока Никита с Костей ходили на колонку, Нина боролась с пауками. Залезла на табуретку и веником сгребла паутину с потолка, затем подмела пол. А тут как раз вернулись запыхавшиеся ребята.

– Ладно, – смилостивилась она, посмотрев на них, – полы мыть не будем.

Никита выдохнул. Нина приподняла брови: ну надо же – устал. И когда только успел? Небось, бесились с Костей, потому и раскраснелись оба и дышат тяжело.

Никита достал из рюкзака небольшую искусственную тыкву и водрузил ее на подоконник:

– Красиво смотрится.

– А скажи, тыква, – начал дурачиться Костя, – откуда у тебя такие большие глазки? И такой огромный рот с острыми зубами?

Он помолчал мгновение и продолжил, состроив злобную рожу:

– Их нарисовал художник, чтобы ровно в полночь с тридцать первого октября на первое ноября, в веселый праздник Хэллоуин, я вас всех сожрала.

Костя для наглядности пощелкал зубами.

– Молодец, – похвалила Нина и всунула в тыкву зажженную свечу.

Она расставила фигурки, купленные в магазине комнатного интерьера по полкам: мумию, ведьмочку, еще пару тыковок.

– Интересно, а почему у деревни такое интересное название: Моркина гора? – спросила Нина.

– Вообще-то, это село, – поправил Никита. – Тут раньше церковь была.

– Ну и? – не понял Костя.

– Так если в деревне имелась церковь, то она автоматически (деревня, а не церковь) становилась селом, – Нина не удержалась и подтвердила статус всезнайки.

– А Моркина – это от слова «мор», – продолжил Никита. – Тут когда-то моровое поветрие было. Говорят, что и гора – это типа кургана, куда людей хоронили.

– А почему не в могилы? – уточнил Костя.

– Так некому было. Живых мало осталось. Тела побросали в кучу, потом сожгли и забросали землей.

– Это что? Деревня на месте кладбища построена? – Костя перешел на зловещий шепот. – Вот в полночь-то покойнички ка-а-ак вылезут из могил, ка-а-ак придут к нам в домик. «Пустите нас переночевать. А то так жрать хочется, что сил терпеть нет», – под конец он перешел на бас.

– Не думаю, – ответил Никита. – Кладбище за деревней. И вообще нам пора Даню встречать. У него автобус через полчаса приезжает.

– Он один будет? Или с кем-то? – Нина наконец задала мучивший ее с утра вопрос.

Никита и Костя переглянулись, Нина все поняла без слов.

Глава вторая. Праздник к нам приходит

Даня досадовал: Оля надумала взять с собой подружку. Его Оля поставила уже перед фактом – в электричке.

– Знакомьтесь, – она указала на соседку, – это Тина.

Даня присмотрелся: рыженькая, что ли? Он выдавил из себя улыбку и кивнул, на что получил от Тины снисходительный взгляд. Ну не хочет общаться – ее проблемы. Даня потрогал Олину шапку.

– Мягкая, – он еще раз потрепал помпон.

Оля улыбнулась. Дане в этот момент захотелось подпрыгнуть, но он не рискнул – еще пробьет потолок в электричке. С его ростом прыжков в замкнутом пространстве лучше не совершать. Даня сел напротив, постаравшись коленом прижаться к Оле. Та отодвигаться не стала, и Даня чуть не взорвался праздничным фейерверком.

Он развлекал Олю разными байками, так что станцию едва не проехали. Хорошо, что Тина, которая молчала всю дорогу, не хлопала ушами, как остальные. Даня подхватил свой и Олин рюкзаки и побежал к выходу. Он выскочил на перрон и придержал двери, чтобы не захлопнулись. Электричка постояла мгновение, затем лязгнула, будто намереваясь откусить руку Дане, и отправилась дальше. Троица пошла искать нужный автобус.

Остановка находилась тут же, как и автобус, подъехавший к электричке. Ребята купили билеты у кондуктора и водрузились на задние сиденья, Даня сел рядом с Олей.

– Главное, не пропустить, где нам выходить, – озаботился он.

– Если вы двое перестанете пялиться друг на друга, а обратите внимание на окружающую действительность, то есть шанс, что не проедем, – Тина подала голос, и он оказался с довольно язвительной интонацией.

Оля рассмеялась:

– Ты чего завелась?

– Да на вас смотреть тошно, – Тина скорчила гримасу, – у меня скоро все слипнется, до того сладкие взгляды вы друг на друга кидаете.

Даня пробрался к кондуктору и попросил предупредить об остановке. Тина уже отвернулась к окну. Вот и ладно. Вообще непонятно, зачем Оля взяла ее с собой? С таким характером надо дома сидеть, а не портить настроение остальным. Даня не удержался и потрогал Олю за нос: теплый. Какая же она уютная. Чуть пухленькая – в самую меру, на щеках ямочки, вздернутый нос, серо-голубые глаза, светлые волосы, которые выбиваются из-под шапки. И красивая – безо всякой косметики.

– Эй, ребята, мимо не проедьте, – окликнула их кондуктор.

На остановке с запоминающимся названием «Моркина гора» уже ждали Никита, Костя и Нина, вся дружная компания бывшего одиннадцатого «А», физико-математического класса физико-математического же лица. Даня первым вывалился из автобуса, помог спуститься Оле и даже подал руку Тине, которую она проигнорировала. Ну и пусть. Подошел Никита и ткнул кулаком в плечо, Даня ответил тем же. Затем повторил ритуал с Костей. С Ниной они обменялись двукратным постукиванием.

– Ну что, мушкетеры, все в сборе? – спросил он.

– И гвардейцы кардинала тоже, – похоже, какой-то злой джин вытащил пробку из горла Тины.

– Знакомьтесь, – он развернулся в сторону попутчиц, – это Оля. А это... – Даня сделал вид, что забыл, – это Ряска. Нет, перепутал! Какая-то водоросль, но болотная. – Даня ехидно улыбнулся. – Вспомнил! Это Тина.

Остричь он тоже умел.

Даня позвонил своим, что добрался. А то потом будут звонками бомбардировать в неподходящий момент, поэтому лучше самому проявить инициативу. Заодно предупредил, что связь плохая – незачем, чтобы мать волновалась, у нее сердце слабое. Он и так приврал немного насчет поездки: меньше знаешь, крепче спишь.

От остановки пришлось топать в гору двадцать минут через молодой пролесок. Даня тащил свой рюкзак и Олин. У Тины сумку забрал Никита. Повезло ей, на месте Никиты он бы помогать не стал – пусть обломалась бы. Таким надо сразу место показывать, чтобы не воображали. Дом Никитиной прабабки находился в середине бывшей деревни, Даня отметил его на воображаемой карте. Да-а, мрачное место. Самое то – встретить здесь Хэллоуин, лучше не придумаешь. Тина резко остановилась.

– Это твой дом?

Даня закатил глаза: она, что, коттеджный поселок ожидала увидеть? С двухэтажными домами?

Он не стал дожидаться ответа и вошел внутрь. Да-а-а, могло бы быть и получше. Но, главное, в темноте не навернуться и не споткнуться обо что-либо. Здесь, как понял Даня, электричества не было вообще. Никита разжился где-то двумя керосиновыми лампами и несколькими свечами на вечер. Ну хоть что-то. А завтра днем они вернутся домой.

Никита повел их по дому, поделенному на две части: кухня и комната, особняком еще две. Кто-то, скорее всего Нина, повесил гирлянду из летучих мышей и расставил статуэтки. Даня взял одну из них: классическая ведьмочка с метлой в руках. Одеты в полосатые гетры, остроконечную шляпу и платье с пышной юбкой, на ногах – деревянные туфли. Симпатично. Нужно было Оле такую подарить. И как он не догадался? И кстати, пока не забыл!

Даня вытащил из рюкзака две пачки чипсов, пачку печенья и две бутылки колы.

– Праздник к нам приходит, – пропел он.

– Мог бы и побольше притащить, – в шутку проворчал Никита. – Не обломался бы.

– Я дурак, что ли, тащить на себе? – деланно возмутился Даня. – У меня девушки под присмотром были.

– А у нас Нина, – влез Костя.

– Вот именно – Нина! – Даня задрал указательный палец вверх. – С нею не пропадешь.

– Ага. Мне мама тоже самое сказала, когда узнала, с кем еду, – подтвердил Никита. – Иначе бы не разрешила.

– Ладно, не нойте, – Даня вновь залез в рюкзак, – держите.

Он достал полбатона сырокопченой колбасы, полкило сыра и батон с черным хлебом.

– А жизнь-то налаживается, – Костя хлопнул Даню по плечу, за что сразу получил шуточный хук в солнечное сплетение.

Он упал на чистые дорожки и притворился потерявшим сознание.

– Что у вас происходит? – подтянулись девчонки.

– Плохо стало, – на голубом глазу соврал Даня. – Надо искусственно дыхание делать, рот в рот, но мы с Никитой стесняемся. Придется кому-то из вас.

Нина уже просекла, что Даня прикалывается, и лишь приподняла левую бровь. Оля испуганно дернулась к Косте, но все испортил Никита.

– Он шутит, – сообщил тот и почему-то покраснел.

Костя уже поднимался с пола.

– Актеры погорелого театра, – попытожила Тина. – Во ВГИК бы вас не приняли.

Даня мысленно согнулся пополам от хохота. Так вот что у нас – сам ВГИК! Небось, на актрису учится или целого режиссера. Конечно, куда им со своими вузами! Они всего лишь будущие инженеры.

Нина поставила разогреваться чайник на печку, а Никита повел дальше знакомить с домом. Даня нарисовал в голове примерный план. Итак, сени в виде вытянутого прямоугольника. В правом конце дверь на крыльцо, в левом – вход в чулан, там же лестница на чердак. Третья дверь за спиной – это вход в избу. Есть еще и четвертая напротив – в пристройку. Через нее попадаешь в подсобные помещения.

Даня внимательно изучил хозяйственную пристройку. Когда-то там был запасной выход во двор, теперь от него осталось лишь крыльцо, к которому слева примкнул туалет. После прилепили хлев и накрыли общей крышей, оставив место для чердака и поленницы. В хлеву, как сказал Никита, когда-то держали свиней, это по сохранившемуся запаху понятно. И еще один выход наружу.

Детективами Даня увлекался с раннего детства, одно время и сам мечтал о работе в детективном агентстве. Все эти логические умозаключения, захватывающие погони и перестрелки... Обязательно красивые девушки, влюбленные в сыщика, верные, слегка глуповатые друзья и опасные враги. Постепенно мечты уступили место реальности, Даня успешно поступил в Бауманку, но привычка, совсем не лишняя для будущего инженера, составлять мысленный план осталась. Вот и сейчас он не удержался.

Даня хотел уже обратно в избу, но наткнулся взглядом на Тину. Та стояла бледная и настороженная.

– Эта дверь запирается? – спросила она, кивнув в сторону дворового выхода.

Никита показал железную задвижку и подергал ее для убедительности.

– Я ее и открывать не стал.

– А это что за отверстие? – Тина указала на дырку в виде квадрата внизу двери.

– Для кошки, – ответил Никита. – В деревнях многие так делают. Что-то не так?

Тина пожалала плечами и коротко ответила:

– Я видела твой дом сегодня во сне. И в нем было опасно.

Больше она ничего не добавила.

Через десять минут Даня и остальные поглощали чай с бутербродами. Шашлык было решено приготовить ближе к вечеру, через пару часов.

– Чем займемся? – спросил он, когда Костя перемыл посуду в тазике с теплой водой.

– Мне еще надо к Зинаиде Павловне зайти, – сообщил Никита. – Бабушка просила и ей гостинцы передать.

– Ну так все вместе зайдём, – ответил Даня. – По пути с кладбища. Оно же тут есть? У нас сегодня Хэллоуин, на кладбище надо обязательно зайти.

– Это еще и Самайн, – подала голос Тина. – Праздник мертвых.

– Ну вот, – развел руками Даня, – сам бог велел.

Он обулся в берцы, натянул парку и вышел вместе с друзьями на улицу. Шел снег. Он придавал торжественность и праздничность всему окружающему. Зубцы забора в белых шапках, яблони, на которых еще висели поздние яблоки, припорошенные инеем, дорожка от дома – все подверглось волшебному превращению. Зима, пусть и нелюбимое для многих время года, делает мир вновь рожденным. Обнуляет все старое, дает ему новую жизнь, наделяет чудесами.

У Дани вновь возникло ощущение праздника, хотя до Нового года оставалось еще два месяца. И Дед Мороз пока не запряг свои сани, и даже не приготовил мешок с подарками. Наверное, еще и в списки не заглядывал, потому что их никто и не составлял. И Снегурочка, небось, отдыхает в теплых краях и не думает, что скоро ей придется отрабатывать на детских праздниках без выходных и проходных. А все равно, праздник уже чувствуется – всего два месяца до него.

Даня подошел к яблоне, сорвал яблоко и вонзил в него зубы.

– Съедобное, – с набитым ртом прокомментировал он, а затем дотянулся еще до нескольких.

– Помыть бы не помешало, – Тина и здесь не осталась в стороне. – А то туалет всего один. Даня раздал яблоки и остановился перед ней.

– Извини, – сказал он, – тебе не хватило. Но ты ведь и не хотела, как я понял?

Но он недолго торжествовал.

– Ничего, я свое отдам, – Никита уже протягивал яблоко Тине, вновь залившись краской.

А та, вместо того, чтобы съехидничать на тему Адама, Евы и запретного плода, молча взяла фрукт раздора. Правда, протерла влажной салфеткой перед тем, как съесть. Но Даню беспокоило другое: Никита, что, запал на эту язву?! Вот это номер!

Глава третья. Старое кладбище

Странно идти по снегу, оставляя следы. В городе это непозволительная роскошь, там уже тысячи людей были на этой улице за мгновение до тебя и будут, спустя мгновение. Даже в полночь выйди с собакой погулять, все равно наткнешься на кого-нибудь. То на влюбленную парочку, то на попивающих пиво мужиков, которых давно ждут дома. А то на таких же собачников, как ты. Даже в три-четыре часа ночи со двора порой доносятся пьяные крики и громкая музыка. Это город, и здесь ты никогда не будешь один, пусть это и не спасет тебя от одиночества.

Оля брела с Даней позади остальных. Хорошо, что она согласилась на поездку. Здесь было спокойно, умиротворяюще, как сказал бы дедушка. Дедушка знал толк в таких вещах и мог вытащить всю семью в лес, где, кроме них, никого не было. Там они запекали в костре картошку, кипятили воду из источника, а потом пили чай, заваренный на листьях земляники и лесной малины. И никакого вульгарного шашлыка. Потому что, как выражался дед: «Мы сюда не жрать пришли, а природой любоваться». Жаль, что дед умер, жаль, что больше некому отвезти ее в место, куда не ступала нога человека.

Тина шла впереди, рядом с Никитой. Оле он понравился – неплохой парень, сразу видно. И Тина рядом с ним успокоилась, убрала свои иголки. А то целый месяц словно заведенная, язвит по любому поводу, все ей не так. Оля и позвала ее для того, чтобы подруга отвлеклась. Потом пожалела: Тина могла и другим настроение испортить, вполне в ее духе. Но было уже поздно. В электричке Оля думала, Даня и Тина переругаются. То, что они не понравились друг другу, было понятно с первого взгляда. Оба с характерами, оба не привыкли, чтобы последнее слово оставалось не за ними. Но как-то обошлось. Теперь главное, чтобы Тинины колючки вновь не полезли наружу.

По серо-голубому небу плыли перьевые облака, окрашенные по краям в розовый. Стоял один из погожих дней поздней осени, когда можно порадоваться даже минусовой температуре, потому что не в ней дело. Главное, нет серой хмари, которая почти полгода нависает над землей, медленно, но верно убивая радость. Сегодня наверху словно отворила створки огромная раковина, и теперь видны и жемчужина-солнце, и нежный перламутр облаков. И хотелось верить, что это надолго.

Идти по деревне было жутко. Будто они уже попали на кладбище – кладбище старых домов. Слепые окна, заколоченные досками, провалившиеся крыши, прорехи в сером заборе. Куда ни кинь взгляд – пустота. Для глаз, и для уха. Не слышно ни работающего телевизора, ни лая собаки. Даже то, что их здесь шестеро живых, не меняет того, что это место умерло. И надпись на карте – как табличка на могиле. И не по себе становится от того, сколько на самом деле таких мертвых деревень, сел и городов в мире.

Церковь высилась как последний уцелевший воин среди павших. Окна выбиты, крест давно рухнул, остался лишь остов из красного кирпича. Оля хотела войти внутрь, но Даня удержал:

– Давно кирпич по башке не прилетал? – недовольно спросил он.

Оля могла бы настоять на своем, и Даня бы отправился за ней следом, она была уверена в этом. Он бы волновался за нее, но неотступно бы шел, стараясь уберечь от опасности. Но Оля упорствовать не стала.

Оля любила гулять по кладбищам. Там, наверное, было единственное место, где можно побыть одному, не считая праздников, конечно. Сейчас она испытала знакомое спокойствие. Видно было, что на этом кладбище давно никого не хоронили. Свежая могила встретилась

лишь в самом начале: некто Николай Дмитриевич Цыганков умер ровно год назад, о чем гласила надпись на деревянном кресте. Оля прикинула: девяносто пять лет прожил, нормально.

Снега мало, поэтому идти было легко, хотя дорожки здесь никто не чистил. Много пирамидок со звездами – захоронения военных и послевоенных лет, когда умирали от ранений и их последствий. С фотографиями воинов с медалями и надписями: красноармеец, гвардии сержант. Все молодые и красивые. Интересно, были ли у них семьи и дети? Страшно исчезнуть, не оставив после себя и следа. И кто расскажет правнукам, что их прадед в ближнем бою уничтожил одиннадцать немецких солдат или с гранатой бросился под танк? Оля смахнула снег с фотографии – молодой и красивый парень, всего двадцать три года.

Под некоторыми памятниками покоились целыми семьями: имя мужчины, рядом, видимо, жены – она пережила его на пятнадцать лет. Ниже – детей, умерших в пенсионном возрасте. Оля задумалась: были ли у тех детей семьи? И если да, то где похоронены их вторые половины? Но спросить некого. Кладбища – это история края. Можно догадаться, что прошел мор или какое-то несчастье, когда даты смерти совпадали у большого количества людей. А после только вбей в поисковик нужные параметры и читай, что здесь случилось. И вот уже история становится реальностью, а умершие – на время живыми людьми.

Много Чехиных и Власовых. Наверное, это были две основные фамилии в селе, от которых пошли все остальные. Такое часто бывает, ведь в небольших местностях все приходится родственниками друг другу.

– Никита, – не удержалась Оля, – а у тебя в роду кто был: Власовы или Чехины?

– Чехины, это прабабушкина фамилия, – он совсем не удивился вопросу. – А прапрабабушку, кстати, звали Настасья Власовна. Правда, я не помню, где ее могила.

– Да тут, наверное, ваше семейное кладбище, – ответила Оля.

Никита кивнул.

Самое печальное – это детские могилы. Смотрит на тебя с фотографии Олечка, тетка, которой было всего пять годиков и никогда уж не исполнится шести. Смотрит и улыбается, а в руках у нее большая кукла, чуть ли не в Олечку ростом. И ощущение нечестности – так не должно быть. И исправить нельзя – умерли и Олечкины родители, и братья с сестрами тоже. Неизвестно, вспомнит ли кто о них, не говоря уже про Олечку – все могилы заброшены и надписи лишь с трудом прочитать можно.

Памятники разные. Есть гранитные, побогаче, в большинстве же железные кресты и пирамидки – из чего могли, из того и сделали. Оградки выкрашены в голубой цвет когда-то давным-давно. На многих краска облупилась, оставив пятна ржавчины. Пластмассовые цветы и венки пожухли и потеряли яркость, их давно никто не обновлял. И лишь фотографии... Ощущение, что это не просто снимки, кажется, что ты под прицелом сотен глаз. Они все смотрят на тебя. Оля потрясла головой: это наваждение, вызванное богатым воображением. Мертвая деревня, мертвое кладбище... Одни лишь они живые на несколько километров вокруг, но завтра они все сядут в автобус, а умершие останутся здесь навсегда.

Кладбище неожиданно разделилось на две части. Одну от другой очертили неглубокой канавой, заключив ее в круг.

– Интересно, это зачем? Чтобы беспокойные покойнички по ночам не шастали? – спросил Костя, еще один Данин друг.

Он был брюнетом среднего роста с модной бородой. Насколько Оля запомнила, Костя учился в Губкина, а раньше, еще в школе, покупал друзьям билеты на фильмы 16+ и 18+ как обладатель самой взрослой внешности. Об этом ей успел рассказать Даня.

– Это дренажная канава, – объяснила Нина. – Тут возвышенность, канаву прорыли, скорее всего, для того чтобы тающий снег весной не затапливал остальное кладбище.

Нина отметила: не зря Даня называл Нину супермозгом, похоже, девушка не только умная, но и много знающая. Медалистка, золотой значок ГТО и, естественно, учеба в МФТИ. Странно, что совсем не обращает внимание на свою внешность: ни грамма косметики, волосы зачесаны назад и собраны в хвост. А ведь Нина симпатичная, если приглядеться.

– Может, вернемся? – Тина не походила на себя.

Она кусала губы и напряженно всматривалась вперед, избегая встретиться взглядом с кем-либо с фотографий на памятниках.

– Возвращайся, если хочешь, – Даня не смог удержаться, чтобы не выступить. – Мы и одни прекрасно прогуляемся.

Он перепрыгнул через канаву, всем видом показывая, что никакой опасности не существует. Оля едва не прыснула: надо поговорить с ними, а то так и будут задирать друг друга. Детский сад какой-то! Она присоединилась к Дане, за ними подтянулись остальные. Лишь Тина оставалась стоять за рубежом, который разделил их.

– Ты идешь? – спросила Оля, на секунду почувствовав беспокойство.

Ну да, Тина же не отправится обратно одна. И она бы сама не пошла. Слишком пусто, слишком тихо, и мертвые смотрят в спину.

– Я могу проводить, – Никита перепрыгнул обратно. – А вы идите.

Тина поколебалась мгновение.

– Ладно, – решила она, – я с вами.

Никаких стройных рядов тут не было, могилы оказались хаотично разбросаны по окрестности, словно злой карапуз-великан распинал их в разные стороны. Памятники разрушены, оградки снесены, ни венков, ни памятных лент.

– Странно здесь как-то, – Никита огляделся по сторонам.

Оля мысленно с ним согласилась: да-а, такого она еще ни на одном кладбище не видела. Ощущение, что покойников хоронили, как придется.

– Может, у них эпидемия случилась? – предположил Никита. – Кто выжил, потом занялся погребением мертвых.

Остальные промолчали, версий больше не было.

– А не про это ли место Николай Дмитриевич рассказывал? Где четверо померли непонятно от чего, а двое в больнице долго лежали. Один потом писателем стал, – вспомнил Костя.

Оля заинтересовалась:

– Расскажите нам.

Из услышанного она поняла, что несколько лет назад, как раз на Хэллоуин, на старое кладбище пришло шестеро. А вернулось с него лишь двое, другие померли непонятно от чего. И у ребят есть книга, которую Николаю Дмитриевичу подарил писатель, где вроде как описывается, что произошло в тот поздний вечер.

– Нина, ты еще не прочла? – спросил Костя.

– Когда? – раздраженно ответила та. – У меня время было? Сначала уборкой занимались, потом Даню встречали. Вечером если только.

– Да-а, загадка века, – сказал Костя. – Это их покойники погубили. Не зря, когда мы шли, у меня мурашки по спине бегали. Ведь они же смотрят с фотографий: мол, чего здесь делаете?

Оля вздрогнула: значит, не ей одной померещилось. Или Костя просто прикалывается? Она осмотрелась. Понемногу темнело. Не по-настоящему, а так, смеркалось. На небе появился месяц. Старый – по форме он походил на едва видимую букву «с». Синюшного цвета – мертвый месяц. А тут еще от земли начал подниматься туман, придавая окружающему ирреальность.

«Вышел месяц из тумана,

Вынул ножик из кармана», – процитировал Костя.

От этих слов Оле стало не по себе. Словно они зашли за некую черту, пересекли невидимый рубеж, который живым нарушать не стоит. И теперь мгновения отделяют их от того, чтобы не остаться в мире мертвых навсегда, среди призраков. А то что призраки на старом кладбище есть, Оля не сомневалась. Тинино побелевшее лицо маячило в надвигающихся сумерках, будто она разглядела что-то в дымке. Оля тронула подругу за рукав, та вздрогнула.

– Надо уходить, – резко, будто пробуя голос после недельного молчания, произнесла Тина. – У нас мало времени.

И в тот же миг вдали раздался волчий вой.

Интерлюдия первая. Незваные гости

За несколько лет до описываемых событий.

С утра сыпал мелкий дождь, из тех, что вроде и зонт брать смысла нет, а с другой стороны, через пару часов не заметишь, как вымокнешь. Сувор поехал: надо было взять дождевик, а теперь поздно – вода стекала за воротник. Хлюпало и в кроссовках. Зря он решил выпендриться и надел их: лучше бы купил резиновые сапоги, а то и болотные. А ведь за кроссовки немалые деньги заплачены, два месяца пришлось горбатиться ради них в одной из забегаловок, куда толпами ходит народ. Он ругнулся: в обувь попал камешек, мелкий, но острый. Пришлось остановиться, чтобы вытряхнуть его.

– Ты скоро? – окликнул Сувор огромного роста парень, известный другим как Челяба – сокращенно от Челябинска.

Сувор кивнул головой, потерял равновесие и ступил прямо в грязь. Вот черт! Он замешкался: что делать? Снять носок – не вариант, сейчас не май месяц, холодно, идти так – противно. А ладно! Все равно надо кроссовки сушить, на месте разберется. Он вытряхнул камень, надел обувь и прибавил шаг, чтобы догнать остальных.

До деревни добрались через полчаса. Сувор покосился на поржавевшую табличку: Моркина гора. Затем осмотрелся по сторонам: деревня казалась заброшенной. Заколоченные окна и двери, местами скособоченный забор с выломанным итакетником, засохший бурьян во дворах. Шева, еще один из компании, прозванный так от фамилии – Шевченко, двинулся к одному из домов.

– За мной, пионеры! – скомандовал он. – Шире шаг.

Челяба достал гвоздодер и вытащил гвозди из досок, преграждающих вход в чью-то избу. Затем потянул дверь на себя и пригласил прочих:

– Добро пожаловать в ад!

Внутри и правда было не особо: какая-то рухлядь, пыль. Сувор несколько раз чихнул, а потом чуть не навернулся, запнувшись о порог. Вдобавок дверь в жилое помещение оказалась низкой, и он со своими ста семьюдесятью пятью сантиметрами ударился лбом о притолоку, чем развеселил Челябу. Хорошо тому: высокий, под два метра, накачанный, внешность такая, что девчонки от одного взгляда плывут, да еще голос... С таким только в дикторы ночного телевидения идти. Сувор прошел на кухню и бросил на лавку рюкзак. Там уже сидела Котеньши: здоровая девица с крашеными в черный цвет волосами, с черными же тенями вокруг глаз и комплектом алых губ и ногтей. Девушка-вамп, мечта поэта. Пойми этих девиц: по какому принципу они себе кликухи выбирают? От противоположного, что ли? Котеньши совсем не походила на милого котенка, как и Горгуля на страшного каменного истукана. Сувор сделал мысленную заметку: сильно не напиваться, а то от такой непонятно, чего ждать.

Пятой в их компании была как раз Горгуля: афигительная красотка с набором всего того, что привлекает парней в девушках. Сувор сглотнул: об нее глаза ломать смысла нет, Челяба дал понять, что сам имеет виды на Горгулю. Еще бы: натуральная блондинка, с длинными волосами, в которые хочется зарыться, гладить их и... Сувор отвернулся: опять его понесло. Не, с Челябой лучше не связываться, а то прилетит, мало не покажется. Хотя самый отмороженный у них в компании Шева. Именно он предложил вызвать демона на старом кладбище. Мол, встретим Хэллоуин весело.

– Что расселся, Сократ? – Челяба склонился в шутовском поклоне перед Сувором. – Не пора ли печь топить, да ужин готовить?

Сувор нехотя поднялся.

– Сим-Сим, помоги, – Челяба обратился к шестому из компании.

Сим-Сим был не из их компании, Шева специально пригласил его. Вроде как тот обладал какими-то способностями, на это намекало и прозвище: «Сим-сим, откройся!» Внешне Сим-Сим застрял на пороге полового созревания: заморыш странного вида, одетый в мешковатые штаны и джемпер. Короткая стрижка, на носу очки с толстыми линзами. Неведомая зверушка, одним словом.

Появился Шева. Он без лишних слов вытащил из рюкзака бутылку водки и железные кружки.

– Много не налью, – предупредил он. – Только согреться.

Водка обожгла так, что Сувор закашлялся.

– Не в то горло пошла, – прокомментировал Челябин и протянул хлеб с копченой колбасой, – Закуси.

После водки и впрямь стало теплее. А тут и печь наконец прогрелась и прекратила дымить. Вскоре в алюминиевой кастрюле, найденной в рассохиемся буфете, вскипела вода, Челябин заварил в пузатом чайнике заварку, после поколдовал над ней и разлил чай по кружкам. Только сейчас Сувор ощутил, насколько голоден. Он соорудил из колбасы, сыра и хлеба несколько бутербродов, сверху уложил оливки – вкуснотища!

Горгуля откопала настольную игру. Видимо, ту оставили в старом доме за ненадобностью. Сувор посмотрел: прикольная. Игра называлась «Мертвый месяц»; побеждал тот, кто первым пересечет игровое поле. Фишек как раз было шестеро – на всех. Сувору выпал первый ход. Он подбросил кубик и передвинул фишку на пять кружков, неплохой старт. Сувор хотел подколоть остальных: мол, глотайте пыль за моими сапогами, как в тот же миг дом тряхануло, послышался звон разбитого стекла, с этажерки попадали книги.

– Землетрясение, что ли? – обеспокоился Челябин,

Они выждали пару минут, проверили дом, но большие ничего не происходило. Сувору фартило – фишка перла вперед, как бронепоезд. Зато у других дела обстояли хуже: они то застревали в ловушках, то фишки отбрасывало назад из-за неудачного хода. Так что Сувор первым закончил игру.

Он отогрелся и даже немного просушил ноги, когда Шева, постоянно сверявшийся с часами, велел:

– Баста, карапузики, пошли дело делать.

– Эй, мы же не доиграли, – возразила Горгуля.

– Потом, – отрезал Шева, – как вернемся.

Сувор приуныл. Будь его воля, не двинулся бы с места. После тепла и еды разморило, хотелось приткнуться куда-нибудь и отрубиться до утра. И плевать на все. Но с Шевой и Челябин не спорил, не рисковал – слишком уж Шева был отмороженным. Сувор вспомнил, как Шева сломал палец одному чуваку. Просто потому, что тот не согласился с Шевой. Безо всякого выражения на лице, без каких-либо угроз, раз, и все – чувак заорал не своим голосом. Сувор подумал, что точно так же Шева может и нож в почку воткнуть, а потом перешагнет через тело и отправится дальше. И все ради великих целей.

– Папочка сердится, – Челябин ввернул шуточку, когда Шева вышел во двор.

Сувор скривился: остроты у Челябин были слишком тупые. Нет уж, хватит с него. Пора завязывать с этими любителями темных обрядов.

Иногда Сувору казалось, что Шева лишь притворяется ушлепком – удобная маска. Он был слишком умен, слишком продуман и слишком незаметен. Ниже среднего роста, с правильными, но невыразительными чертами лица – идеальный шпион, которого захочешь описать, но не сможешь: человек без особых примет. Интересно, что понадобилось Шеве от сегодняшнего обряда?

Глава четвертая. Мертвые

Тине было семнадцать, когда она впервые увидела мертвеца. Не восставшего из могилы покойничка, а призрака, но вполне реального, при свете дня. Он стоял во дворе загородного дома, куда Тина приехала с родителями в гости на новогодние праздники к двоюродной тетке. Призрак отлепился от двухметрового забора и качнулся в сторону Тины. «Тссс», – в шипении она ничего не разобрала и лишь беспомощно смотрела на других, которые в упор не видели постороннего мужика в давно вышедшей из моды одежде. Когда же Тина ткнула в незнакомца пальцем и спросила, кто это, в ответ она получила лишь удивленные взгляды родных.

Теткин дом находился неподалеку от кладбища, похоже, именно оттуда покойничка и занесло подходящим ветром. Что он хотел от нее, Тина так и не узнала, все выходные она безвылазно просидела в доме, отказавшись от приглашений покататься на лыжах. Даже в окно старалась не смотреть. Ей казалось, что тот мужик, колышущийся от малейшего дуновения, ждет ее, чтобы поведать о чем-то. Интересно, зачем мертвому нужны живые? Рассказать о тайнах, связаться с родными? Нет уж, лучше держаться от них подальше. Тем более, от незнакомых. Если бы это была подруга, Тина бы спросила.

Эльза умерла первого сентября, в день как им идти в одиннадцатый класс. Она все лето отсутствовала в городе, и Тина ничего не знала, подруга совсем мало писала в интернете. А в конце июля на подоконник прилетел белый голубь. Эльза в это время медленно умирала в больнице, но сама не верила в конец для себя и не хотела пугать Тину. Голубь появлялся часто, стучал в окно, однажды даже влетел в Тинину комнату, учинив разгром и нагавив на письменном столе. Когда Тина узнала, что Эльза в реанимации, голубь исчез и больше не появлялся. Но было поздно, к подруге Тину не пустили.

В пятом классе им всем делали прививку от гриппа. Большинство ребят перенесли нормально, кто-то заболел, а Эльза получила «побочку» – цирроз печени. К шестнадцати годам удалось добиться стойкой ремиссии, но через год что-то пошло не так. И Эльза, у которой, казалось, весь мир был в кармане, красивая и талантливая Эльза получила в подарок от судьбы деревянный ящик с крышечкой и небольшой надел на кладбище.

Тина смотрела на Эльзу, одетую в белое платье невесты и за три месяца болезни ставшей неузнаваемой. Восковый цвет лица, синяки под глазами, впалые щеки, тусклые волосы... Незнакомка в гробу никак не могла быть Эльзой, за которой бегали все парни из их школы. Это был подменш, который зачем-то выдал себя за подругу и притворился умершей.

Третьего сентября стояла на удивление теплая погода, не характерная для начала осени. Тина находилась в оцепенении: слишком поздно она узнала о болезни подруги, слишком быстро наступила смерть. Лишь когда начали забрасывать гроб землей, ступор прошел, и Тина разрыдалась. Она оплакивала Эльзу, их дружбу и себя. Как примириться с тем, что смерть существует, и она способна забрать молодых, не только стариков? Что все когда-то кончится, и вечного не существует? И когда-нибудь наступит пора и самой Тины?

С кладбища она не шла, бежала. И не в страхе перед собственной смертностью, а из-за того, что до костей промерзли ноги. Тина не знала тогда, что мертвые чувствуют живых, тянутся к ним и крадут тепло их тел. А если бы кто ей сказал, то не поверила. Мы живем в двадцать первом веке, третьем тысячелетии, и нет места замшелым суевериям. Только мертвецам было на это плевать.

А в мае, незадолго до выпускных экзаменов, погиб Сашка Некрасов. Погиб случайно и глупо. Тина только начала с ним встречаться. Саша был классный. Из тех парней, которым в кинофильмах обычно отводят роль друзей главных героинь. На нем, казалось, огромными бук-

вами было написано: просто хороший парень. И по законам жанра Тина должна была отправить Сашку во френдзону, откуда не возвращаются прекрасными принцами, а она в него влюбилась.

Они гуляли допоздна и целовались короткими весенними ночами. Родители переживали, что Тина не сдаст экзамены и придется идти в колледж. Сашкиным предкам было все равно: отец попивал, мать крутилась как белка в колесе. А он мечтал строить самолеты и готовился поступать в авиационный институт, даже достал себе целевое направление – сам. Все оборвалось восьмого мая. Сашкин отец запил в гараже, Сашка на нервяке побежал туда через линию и не заметил мчащуюся электричку. Он, наверное, даже не успел понять, что умер. Хоронили его в закрытом гробу.

Тине он не являлся. Через месяц после похорон приснилась незнакомая девушка с коротко стриженными синими волосами и сообщила, что Сашка просил приглядеть за Лидкой, его сестрой. Тина долго мучилась, но не решалась вызвать ту на разговор. Наверное, так бы и промолчала, если бы в один день, навещая могилу Сашки, она не обратила внимание на свежее захоронение по соседству. С фотографии на нее смотрела приснившаяся девушка. В тот же день Тина связалась с Лидкой и передала Сашкину просьбу.

Лидка в ответ разрыдалась. Оказывается, она подседала на наркотики и не знала, как завязать. После разговора Лидка призналась матери, а после исчезла на месяц – легла в больницу. Перед каждым экзаменом Тина навещала Сашкину могилу. Рассказывала о своих планах, делилась страхами. По литературе она получила меньше восьмидесяти баллов, заперола сочинение. Сказались бессонные ночи и нервы: строчки напознали одна на другую, про знаки препинания Тина и вообще забыла. По русскому тоже не получилось написать, как надо. Зато на внутренних экзаменах ВГИКа Тина набрала больше всех очков и поступила на бюджет.

В тот день, когда вывесили приказы о зачислении, она вновь навестила Сашку.

– Лежишь? – спросила она. – Лежи, что тебе еще делать. А я живу. Иногда так тошно, что хочется лечь рядом и не вставать уже. Только ради тебя все...

Тина прерывисто вздохнула:

– Я сниму фильм про самолеты и посвящу тебе, обещаю.

Когда-то это было их совместной мечтой: Сашка будет консультантом, «главным консультантом», – говорил он, а она режиссером фильма. «Самым главным», – поправляла Тина. Теперь она одна за двоих.

А ведь Тина чувствовала. Чувствовала, но отмахивалась от ощущений, как от надоедливой мухи. В конце зимы Сашка ходил к отцу в цех. Он и раньше рассказывал, что там творится странное. Словно силовые кабели, которыми было напичкано помещение, вызвали к жизни потустороннее. Сашка говорил, что происходят несчастные и смертельные случаи. И многие, кто там работает, боятся оставаться в одиночестве. Мол, мерещится разное. Ну и неудивительно, нечего пьяными к электричеству лезть. А потом Сашка показал фотографии, сделанные на смартфон, и Тина испугалась.

Первые были обычные. Ну сидит парень на табуретке, сзади свежештукатуренная стена. Ничего необычного. Такие снимки даже в сеть не выложишь, никто не оценит. А вот на последней над Сашкой зависла какая-то сущность. Похожая на лохматую собаку, только вместо лап – копыта, заместо морды – раскрашенный череп. Можно было списать на потеки на стене, только на других снимках их не было. Да и сущность, смахивающая на демона, отбрасывала тень, а передним копытом дотрагивалась до Сашкиной шапки. Сначала умер фотограф – неудачно свалился с лестницы, после Сашка.

Осень вновь принесла хандру. Хотелось надеть теплые носки, завернуться в плед и смотреть в залитое дождями окно целыми днями. Повезло, что Оля предложила развеяться и поехать за город. Тина сперва загорелась, а потом быстро остыла, но Оля и слышать не хотела возражений.

– Я никого не знаю из той компании, – сказала она. – Только Даню. Не дай мне умереть со скуки.

Тина подозревала, что дело не в Оле, а в ней, но поехала. Всю поездку она с трудом удерживалась от того, чтобы не наговорить гадостей при виде воркующих голубков. Эльзы нет больше года, после смерти Сашка полгода не прошло. Как люди могут быть счастливы?! Какое право они имеют на это?! А после Тина увидела Никиту и внезапно успокоилась – он был хорошим. Как Сашка. Молча взял ее сумку и понес, не обращая внимание на ее колкие слова.

Из-за Никиты Тина и пошла на прогулку, чтобы присмотреть за ним. Сперва кладбище показалось ей безопасным, всего одно свежее захоронение. А затем она начала ловить на себе взгляды, любопытные и выжидающие. Тина ощущала их даже спиной, между лопатками. Но мертвые активности не проявляли, пока ребята не пересекли рубеж. Дренажную канаву, как сказала всезнающая девушка.

Эта Нина показалась Тине угрюмой и ревнивой собственницей. Еще бы, привыкла, небось, что никаких конкуренток у нее нет на пару километров вокруг. Физико-математический класс, физико-математический лицей... Несложно догадаться, сколько девчонок там училось – мало. А ведь Нину можно было бы назвать симпатичной, если бы она потрудилась сделать хоть малейший шаг в этом направлении. Распустить хотя бы волосы или носить не такую мешковатую одежду – фигура у Нины имелась. Это в школе Нина была чуть ли не единственной девушкой, а в большом мире красивых девчонок много, и образ заучки – минус, а не плюс. Тем более, парни из компании очень даже симпатичные.

Костя казался взрослее своего возраста, хотя старательно компенсировал это глупыми шутками про зомби-апокалипсис. Даня не понравился Тине с первого взгляда. Во-первых, тем, что имел виды на Олю, единственную оставшуюся подругу. Во-вторых, из-за того, что по нему было сразу видно, что он пользуется вниманием девушек, и Оля у него далеко не первая. Хотя по уверенному поведению подруги Тина подозревала, что у той есть шансы стать последней. Но кто знает этих донжуанов? Тине не хотелось бы, чтобы Оля ощутила боль, если Даня ее бросит.

А вот Никита был такой, как надо. Среднего роста, широкоплечий, крепкий и похожий на Гарри Поттера. Не один-в-один, а подобного типажа. Густые, слегка отросшие темно-русые волосы. Густые же брови и серо-зеленые глаза. А еще он и по характеру походил на любимого героя детства: спокойный и уверенный в себе. После смерти Сашки Тина впервые обратила внимание на парня. И если Олю обычно подогревал азарт охотника, то Тина предпочитала, когда все ясно с первого взгляда, а у них с Никитой вроде получилось взаимно. Если бы только не сон, приснившийся накануне.

...Во сне Тина находилась на крыльце в пристройке, примыкавшей к дому. В сумраке неясно виднелись очертания поленницы, но Тинино внимание привлекла дверь, ведущая во двор – совсем хлипкая, сооруженная из тонких дощечек, она была приоткрыта. Через щель из улицы проникал лунный свет. Тина откуда-то знала, что это неправильно.

Надо было подойти и закрыть дверь на задвижку, но Тина застыла, не в силах пошевелиться. За дверью притаилось что-то страшное, возможно, волки. А может, там были и не волки, а что похуже – оборотни, например. И один из них стоял совсем рядом и принохивался, жадно глотая запахи живых. И нужно бежать назад, плюнув на пристройку и заперев дверь в сенях, но Тина стояла, не в силах сдвинуться. Потому что всего лишь мгновение, всего лишь шаг отделял ее от ужаса, с которым придется столкнуться, и она все оттягивала этот миг.

...Она не ожидала увидеть дом из сна наяву. С заплаткой из более свежих досок на поседевшей от времени стене. С пристройкой – копией из своего видения, отличавшейся лишь крепкой добротной дверью, которую невозможно выбить одним ударом. И в реальности еще был Никита: надежный и уверенный в себе и друзьях. Но зачем этот сон приснился Тине? Он не может быть случайным. Но свои вопросы она решила отложить на потом.

На старом кладбище Тина ощутила беспокойство. Здесь было как-то неправильно. Разбросанные могилы без памятников и табличек с надписями, разрушенные ограды... И холод. Знакомый холод мертвецов, соскучившихся по теплу живых. Тина почувствовала надвигающуюся панику, а затем от земли стал подниматься туман.

Туман, в Тинином понимании, был некой чертой, стирающей границы между мирами. Можно зайти в белесую завесу и выйти не там, где намеревался. Или совсем не выйти, оставшись за порогом реальности. Тина явственно ощутила на себе ледяные прикосновения испарений, за которыми скрывались те, чьего общества она избегала уже несколько месяцев. Ей совсем не улыбалось стать посредником между мертвецами и живыми. Как-нибудь без нее.

Глава пятая. Куколка

Нина злилась на себя, Даню, Никиту с Костей и тех девиц, которые прикатили вместе с Даней. Но на себя больше. Хватит забивать голову несбыточными надеждами, пора признаться себе: Дане она не нравится. Ну если только как друг. И от этого понимания становилось невыносимо больно: ну что ему в этих девицах? Симпатичных и легкомысленных? Разве эта Оля пара ему? Она же даже разговор с ним поддержать не сможет. Это Даня, наоборот, поговорит о книгах: о классике и современных новинках. А Оля будущий филолог, для нее ряды Фурье – полная неизвестность. Гуманитарий, одним словом. А Нина хоть и поступила в МФТИ, но у нее не только девяносто восемь баллов по математике и физике, но и сто по русскому. Только толку от этого.

Будь она хоть самым Эйнштейном, Даня не обратил бы на нее никакого внимания, ему нравились совсем другие девушки. Не такие умные, как Нина, зато смазливые. Которые смотрели на него, раскрыв рот. Даня встречался с ними пару месяцев, в это время не ходил, а летал на крыльях любви, а потом благополучно расставался с очередной девицей из-за пустяка. Нина ждала, когда он переберется и обратит внимание на нее. Ведь она всегда рядом, всегда выслушает и поможет. Верная Нина. А тут... Когда Нина увидела, каким взглядом Даня смотрит на Олю, внутри все оборвалось: это серьезно. И когда он только находит время при учебе в Бауманке, чтобы знакомиться?

Главное, обидно: Оля была ничуть не симпатичнее Нины, просто другая. Мягкая, нарочито беспомощная. Нина не сомневалась, что за мнимой пушистостью скрывается стальной стержень, об который Даня еще обломает зубы, но могла лишь беспомощно наблюдать, как он нарезает круги вокруг соперницы. Раскрывать ему глаза сейчас бесполезно. Нина проиграла: шах и мат.

Вторая девица раздражала гораздо меньше, хотя оказалась намного симпатичнее. Тина, наверное, сокращенно от Валентины, была яркая и красивая: темно-рыжие волосы, зеленые глаза с изумрудным оттенком. Но главное, что подкупило Нину, Тина не старалась выглядеть кем-то. Свои колючки она не прятала. С ней было просто и понятно. Поэтому Нина спокойно наблюдала, как Никита и Тина сходятся – из них получится неплохая парочка. Тут, по крайней мере, никто притворяться не будет.

В потустороннюю чушь Нина не верила, она была яркой сторонницей материализма: первична материя, а не сознание. Можно сколько угодно придумывать необычные миры в воображении, реальными они от этого не станут. «Мечты, мечты, как сладок ваш обман». Вот и Нине пора взглянуть правде в глаза: с Даней у нее ничего не выгорит, нужно признать поражение и жить своей жизнью.

На кладбище оказалось намного холоднее, чем в деревне. Хотя среди деревьев, по идее, должно быть теплее – они защищали от ветра. Нина задумалась о точке холода, когда неподалеку раздался вой. Взятый на высокой ноте, он поднялся еще выше, а затем оборвался. То, что это собака, никому не пришло в голову. Откуда им здесь взяться?

– Пора нам заняться шашлыками, – сказал Костя, – пока нас самих на шашлык не пустили.

Они быстрым шагом, напоминая стремительное отступление, вернулись в деревню, где Никита вспомнил о Зинаиде Павловне, которую обещал навестить. Возник спор: следовало делать шашлыки, пока не стемнело. Договорились, что Костя, Даня и Оля отправятся в дом, где займутся приготовлениями, а остальные пойдут в гости.

Дом Зинаиды Павловны Никита отыскал без труда, сказал, что в детстве он с прабабушкой ходил в соседний – за молоком. Он постучал, дверь открыли быстро.

– Я думала, что не зайдете, – обладательница внушительного имени оказалась маленькой старушкой, усохшей от возраста.

Никита извинился и передал ей пакет с гостинцами. Зинаида Павловна открыла его и придирчиво осмотрела:

– Передай спасибо бабке своей, угодила. И торт вафельный с шоколадом положила, все, как Степанида любит.

Она хихикнула.

В доме у Зинаиды Павловны было жарко натоплено. Несмотря на это старушка куталась в безрукавку на меху, на ногах у нее были валенки.

– Кровь старая, – пояснила она, – плохо греет.

Она поставила чайник на газовую плиту.

– Чай будете?

Нина хотела согласиться – замерзла на кладбище, но вспомнила предостережение Николая Дмитриевича: ничего не брать у Зинаиды Павловны.

– Спасибо, – отказалась она, – мы шашлыки делать будем. Не хотим аппетит перебивать.

Старушка нехорошо ухмыльнулась:

– Знаете, значит. Ну и ладно.

Нина огляделась: деревянный стол, покрытый потертой клеенкой, старые стулья с плетеными ковриками на сиденьях, лакированный сервант с сервизами – обстановка была под стать хозяйке. Зинаида Павловна налила себе чай и разрежала торт.

– Степанидушка обрадуется, а то давненько мы с ней в магазин не ходили. Вы, ребятки, не пугайтесь, она мирная, не обидит.

Она откусила пирог, и в тот же момент выражение ее лица поменялось: оно стало хитрым, будто Зинаида Павловна задумала шалость. Сзади ойкнула Тина.

– А ты девка глазастая, – обратилась к той Зинаида Павловна. – Только зачем вас черти на кладбище понесли? Там живым делать нечего.

Все молчали, потом Тина попыталась ответить.

– Я не Зинаида Павловна, – прервала ее старушка. – А Степанида. Живу я в ней уж давно, лет пятьдесят пять вместе.

– У вас шизофрения? – уточнила Нина.

Степанида рассмеялась мелким бисером.

– Это у других шизофрения. А я Степанида, куколка.

– Куколка? – переспросила Нина.

– Да. Я на бабочку похожа. Я к Зинаиде Павловне залетела, когда она возле кладбища заснула. Там раньше поле было.

Ребята переглянулись: похоже, у старушки с головой было не в порядке.

– А вы к любому залететь можете? – полюбопытствовала Тина.

– Нет, – отрезала Степанида. – Он для меня грубый, – она кивнула в сторону Никиты, – эта тоже, – она указала на Нину. – Ты, Алевтина, тоже не очень подходишь. Так что зря от угощения отказались.

Нина удивилась: значит, не Валентина, а Алевтина. Впервые логика подвела ее. Но откуда эта старушка знает Тинино полное имя? Степанида вновь захихикала.

– Зинаида Павловна не знает, а я знаю. Потому что я куколка.

– Вы не человек? – продолжила расспросы Тина.

Степанида начала раздражаться:

– Я же тебе ясно сказала: куколка я!

– Кто это: куколка? Вы как человек или кто? – не унималась Тина.

– Я как бабочка, только покрупнее и цвета серого. Нас мало осталось, потому что людей подходящих для нас нет, – ушла от ответа Степанида.

– Вы дух? – в лоб спросила Тина.

Степанида пожевала губу и сказала:

– Куколка я! Сколько можно одно и то же талдычить.

Нина покачала головой: странно вели себя обе. Ну ясно же, что у старушки шизофрения.

Спятил на старости человек. Но зачем Тина к ней привязалась? А та не унималась:

– Когда Зинаида Павловна умрет, что делать будете?

Степанида оживилась:

– В областном городе видела женщину подходящую, она медсестрой в поликлинике работает. Мягкая, добрая. Обращусь в куколку и к ней полечу.

Нина выразительно посмотрела на Никиту: не пора ли нам пора? Тот начал прощаться, но Тина добавила:

– А если та женщина уедет куда, что тогда?

Степанида опустила голову и заплакала:

– Вернусь я тогда на кладбище и засну. Как раньше, пока меня Зинаида Павловна не разбудила.

И тут же повторила:

– А вот вы зря туда ходили. Живым там не место.

– Ну мы, наверное, домой пойдем, – вмешался Никита.

– Идите, идите, – с хохотком ответила Степанида, – и они к вам придут. Потому что вы первые нарушили границу.

Установилась тишина. Степанида с насмешкой наблюдала за гостями.

– Слышали, наверное, про случай, который несколько лет назад произошел?

Нина с Никитой кивнули.

– Нам Николай Дмитриевич рассказал и книгу дал, – поделился Никита.

– Надо же, не поленился старый пень, – усмехнулась Степанида. – Даже то, что умер год назад, не помешало. Может, и обойдется у вас, если время терять не станете. Чем скорее отсюда уйдете, тем для вас лучше.

Она хотела что-то еще добавить, но не смогла, словно кто-то заткнул ей рот. Лицо дергалось, как и губы, но больше она не произнесла ни слова.

Степаниду заколотило, а потом черты лица разгладились, и вернулась Зинаида Павловна.

– Надо отложить пирог будет, а то когда еще в магазин сподобимся, – произнесла она в полной тишине.

Нину от всего увиденного бросило в жар: лучше делать отсюда ноги подобру-поздорову.

А то как бы у самой крыша не съехала. Зинаида Павловна поглядела на ребят:

– Что вам Степанидушка сказала-то?

– Что Николай Дмитриевич умер, – ответила Нина.

Зинаида Павловна задумалась, что-то подсчитывая, а после произнесла:

– Ну так. Уже год как.

Глава шестая. Шашлыки

Хотелось не есть, жрать! Костя еще на кладбище ощутил зверский голод. Ну не насытишься одними бутербродами. Что это за еда? Одно название. И Даня «молодец», привез колбасу с сыром. Нет чтобы мяса захватить, да побольше. А то сам поест не дурак, да еще два лишних рта прихватил. Не, девушки вроде нормальные. Но кто же с пустыми руками в студенческие компании ездит? Здесь все на равных. Нина тоже скидывалась на шашлык и тащила в рюкзаке продукты. Не зря они ее в друзья приняли – свой человек.

Шашлыки лежали в пакете в снях, ждали своего часа. Мариновала их мама – в семье доверяли это сложное занятие именно ей. Она покупала приправу на рынке в одном и том же месте. На маринад шли: репчатый лук, крупно порезанный, сама приправа, обязательно добавлялись горчица и соевый соус, а под конец все заливалось кефиром. И конечно же, соль со смесью перцев. Все перемешивалось, затем оставлялось при комнатной температуре на тройку часов, а после убиралось в холодильник на двое суток. Мясо в таком маринаде получалось нежное, есть его – одно удовольствие.

Костя, сколько себя помнил, обожал хорошо покушать – одно из удовольствий в жизни. Тем более, что на его фигуре это не сказывалось – нигде лишнего грамма жира. Иногда даже ночью вставал, чтобы наведаться к холодильнику: в Косте все сгорало с бешеной скоростью. Да Костя и сам жил на скорости: во время учебы в лицее прикатывал туда на велосипеде. Из соседнего района, между прочим, когда других родители подвозили на дорогих автомобилях. Даже зимой, кроме редких дней после обильных снегопадов.

В Губкина так не доберешься – слишком далеко, слишком рискованно, если только самокат с собой брать. Поэтому Костя отрывался в редкие выходные в парке, расположенном вдоль реки. Только он, только мелькающие деревья, только ветер в лицо и ощущение полета. Когда мчишься, лавируя между неторопливыми прохожими, обгоняя скандальных собак, а сердце замирает от восторга. Еще Костя ходил в тренажерку на пару с Никитой: парень должен быть в нормальной спортивной форме. И хорошо питаться при этом!

– Уголь не взяли? – недовольно поинтересовался Даня.

– Ты такой умный, взял бы, да привез, – отбрил Костя. – Мы и так мангал на себе тащили.

– Он легкий, походная модель, – не согласился Даня.

– Ну так в чем проблема? Что-то ты не загорелся желанием его везти.

Даня посопел, но ничего не сказал. Он подхватил топор, стоящий в коридоре возле двери, и повертел его в руках.

– Ладно, буду дрова колоть.

– Они и без тебя нарублены, в поленнице лежат, – поддел Костя. – Просто помельче покромсай. И щепуними, чтобы огонь разжечь. Оля, картошку не почистишь? – спросил он.

Та кивнула.

Когда дрова наконец занялись, пришли остальные. По их лицам Костя понял: что-то случилось. Пока друзья рассказывали, Костя следил за мангалом: примерно час ждать, покуда дрова не прогорят.

– Это, что, мы с мертвяком общались? – спросил он.

Никита пожал плечами.

– Я видела могилу, – ответила Оля, – в самом начале кладбища. Но, может быть, тезка?

– Нина, – окликнул Никита, – там никакого посвящения нет?

Та достала книгу из сумки.

«Николаю Дмитриевичу Цыганкову, которому я обязан жизнью», – прочитала она.

– Да, Цыганков, – подтвердила Оля. – Я запомнила.

Они переглянулись. Идти в дом к Николаю Дмитриевичу никому не хотелось, как и возвращаться на кладбище.

– Наверное, этот Николай Дмитриевич забрал книгу у Цыганкова, когда тот умер, и насочинял, что это ему писатель подарил, – предположил Даня.

Косте эта версия не понравилась:

– С мертвецами интереснее. Тем более, у нас сегодня Хэллоуин. Или как там, ирландский праздник мертвых?

– Самайн, – тихо ответила Тина. – «Самайн переживают только те, кто вовремя укрыл себя в любовь», – процитировала она строчку из стихотворения Кота Басё.

– На этом и постановим, – Костя перехватил инициативу. – Покойник поднялся из гроба, чтобы предупредить нас об опасности. Нина, твоя задача – прочесть книжку и изложить краткое содержание. И что будем делать с картошкой?

Оля начистила картошки целую кастрюлю и хотела ее просто отварить. Даня предложил запечь ее в углях. На это не согласился Никита: шашлыка было много и жара могло не хватить. Поэтому решили запечь по одной штуке на человека, а остальную картошку сварить на печи. Костя дождался, когда поленья обуглились и зарыл в них шесть картошин, завернутых в фольгу.

– Шпаги к бою! – скомандовал он, схватив шампур.

Все скрестили новоиспеченное оружие.

– Благословляю тебя, шашлык, быть вкусным и полезным, – Костя водрузил шампуры на мангал. – Та-а-ак, мне понадобится бутылка с водой и газета.

– Снег есть, – возразил Никита, – можно им.

Главное в искусстве приготовления шашлыков – поддерживать ровный жар, считал Костя. Не давать пламени разгореться, чтобы не опалить мясо, и потухнуть тоже не позволить. Для этого и нужны бутылка с водой или снег и газета. Первыми тушат огонь, а второй, махая над мангалом, раздувают.

Картошка запеклась быстро – благо мелкая, не крупная, с той бы пришлось повозиться. Шашлык чуть припаздывал. Сняли первую партию и тут же загрузили вторую. На импровизированном столе расставили тарелки и кружки, разлили лимонад, открыли кетчуп и на пять минут замолчали – усиленно жевали. Из окна на них пялился Фонарщик Джек – светильник из тыквы.

– Вкуснотища, – признал Костя. – Ел бы да ел.

– Ну да, – с хохотом прокомментировал Даня, – тебя с шашлыком наедине оставлять нельзя. Сожрешь подчистую.

Спорить с ним Костя не стал.

Нина в это время пролистывала книгу. Но Костя не удивлялся – Нина так читает, очень быстро.

– Что-нибудь разузнала? – поинтересовался он.

– Да, – ответила она. – Сатанисты, решили вызвать дьявола на могиле самоубийцы. Чтобы встретить Хэллоуин, – она коротко пересказала текст.

– Во чуваки дают, – поразился Даня.

Костя был согласен с другом, но не мог не пошутить.

– Эх, а мы никого не вызвали, – деланно сокрушился он. – А зря. Могли бы джина пригласить, чтобы он наши желания исполнил.

– Хватит прикалываться, – оборвал его Даня. – Нина, расскажи нам, чем все у них закончилось.

Нина сообщила: ребята разбудили чудовище, то укукошило четверых, двое, в том числе писатель, остались живы.

– Ничего не понял, – Костя перебил Нину. – Этот дед говорил, что причины смерти не установлены. Мол, от разрыва сердца умерли. А тут все по-другому.

– Художественный вымысел, – объяснила Оля. – Писатель воспользовался реальным случаем и досочинил.

– Или ему реально это привиделось, – выдвинул гипотезу Даня. – Нина сказала, они там водки хлебнули. Наверное, паленой оказалась. Кто-то белочку словил, кто-то сдох.

– Отравление бы диагностировали, – не согласился Никита. – Это же не единичный случай и не с бомжом каким-нибудь. Думаю, тут все на ушах стояли.

Даня пожал плечами.

Косте понравилась версия Дани и Оли: похоже, этот Сувор не так прост. Взял часть реальности, добавил к ней фантазию и получил на выходе книгу, на которой, наверняка, заработал много денег. Хитрый жук. Вот бы и Косте так. Тем более, как все говорят, с воображением у него хорошо. Даже слишком.

Глава седьмая. Письмо писателю

Тина думала, что ничего есть не будет: хватанула впечатлений. Но молодой организм потребовал свое, и вскоре она со всеми уминала шашлык с картошкой. А еще малосольные огурцы, которые захватил Никита, и сало. Но книга почему-то вновь заставила пережить ужас, охвативший ее на кладбище, когда мертвые подобрались так близко и совсем не с просьбами передать привет живым.

– На этом заканчивается, – Нина захлопнула книгу. – Больше никаких подробностей.

– Как-то странно, – Даня почесал подбородок. – Там, что, нет объяснений? Только типа: что-то пошло не так?

– А должны были быть? – ответила вместо Нины Тина и сама на себя разозлилась: кто дернул ее за язык? Ведь обещала сама себе, что перестанет острословить.

Но Даня неожиданно промолчал.

Они вновь обсудили услышанное.

– Какие есть версии? – спросил Костя. – Нина, как считаешь?

Та откашлялась и сказала:

– Я согласна с Даней. Водка была некачественной, они словили глюки.

– Еще какие варианты? – Костя, похоже, взял на себя роль научного руководителя. – Оля, тебе слово.

– Я уже говорила – художественный вымысел. Встретил здесь Хэллоуин с приятелями, а дальше досочинил.

– А как быть с теми, кто умер? – не согласился Даня. – Оля, ради красного словца такое не выдумаешь.

– А они точно умерли? Я их могил на кладбище не видела, – Оля не сдавалась.

– Так их похоронили, скорее всего, не здесь, – встрял Никита. – Родные же забрали тела. Наверное.

Воцарилась тишина.

Тина в споре не участвовала: выскажи она мнение, другим бы оно не понравилось. Кладбище в Моркиной горе было совсем не мирное, и ночью по нему лучше не шастать. А потому автор рассказал, скорее всего, чистую правду. Ну или почти правду. Вряд ли там имелось чудовище, но испугаться мертвых ребята могли запросто.

– Да-а, и у Зинаиды Павловны с Николаем Дмитриевичем не спросишь. Оба, судя по всему, с большим приветом. Может, это они и угробили молодежь? – оживился Костя. – Бабка что-нибудь в чай намешала, а дед в привидение вырядился и пугал их на кладбище?

– Можно у писателя спросить, – предложил Никита. – Он точно знает.

– И как ты это сделаешь? – съязвил Даня. – Напишешь письмо на деревню дедушке и пошлешь в полночь с летучими мышами?

– Найду в интернете, – ответил Никита. – Наверняка есть его страница или страница его группы. Надо только поискать. Не думаю, что людей по имени Сувор Евгений много.

Тине приглянулось Никитино предложение. На самом деле, может сработать. Да и интересно разгадать загадку многолетней выдержки. Что же произошло в ту ночь? Кого ребята вызвали из небытия?

– Во-первых, как ты ему напишешь, если здесь интернет не ловит? Во-вторых, думаешь он тебе правду скажет? Небось, ему и до нас писали, – не поверил Даня.

– Шкни, – Костя встал на сторону Никиты. – Не сегодня, так завтра, времени у нас навалом.

Тина не была с ним согласна, времени у них оставалось мало. Но иногда плохие сны так и остаются всего лишь снами, а предчувствия рассеиваются как утренний туман.

– На чердак поднимусь, может, там ловится. А что до того ответит или нет, напишу, что мы сейчас в Моркиной горе и нас тоже шестеро. Он ответит.

Вместе с Никитой лезть на чердак вызвалась Тина. Сперва он забрался наверх по приставной лестнице, затем втянул за собой Тину.

– Раньше здесь сено хранили, – деловито сообщил он. – Когда прабабушка свиней держала и кроликов. А до этого у нее корова была, но я не застал.

– Тебе здесь нравилось?

Никита пожал плечами.

– Так, ничего. Только скучно: друзей не было, телевиденья тоже – всего два канала, приставки не работали. А потом провода срезали, потому деревня и осталась без электричества.

Да-а, Тина бы от тоски сдохла в подобном месте.

Никита включил фонарик, наверху было уже темно.

– Вроде сигнал есть, – пробормотал он. – Одну секунду, позвоню родителям.

Никита набрал, похоже, домашний номер, потому что его голос изменился, стал насмешливым.

– Не узнаю вас, – давясь от смеха, произнес Никита в телефон. – Это кто?

Он выслушал ответ и добавил:

– Ощипанный Санта-Клаус на бездомных оленях? Застряли в снегах?

А потом сказал с нормальными интонациями:

– Маму дай.

Никита поведал, что у него все хорошо, что уже поужинали и скоро лягут спать – ведь делать совсем нечего. Ну если только поиграют немного в настольную игру, но недолго – точно до девяти уложатся. Тина не скрывала улыбку: все, как у нее. Родители считают, что они еще маленькие и за ними необходим присмотр. Как в анекдоте: «Восемнадцать – когда по закону можно все, но мама не разрешает».

Никита зашел в интернет, пришлось подождать, пока загрузится – связь была слабой. В это время Тину одолевала сомнения: точно ли Сувор Евгений писал про себя? Получится ли отыскать писателя? Вдруг он пишет под псевдонимом, а в сети находится под настоящим именем? Но Тина держала сомнения в узде. Ведь только озвучь их, как они получают власть над людьми и все испортят.

– Нашел, – Никита показал страницу писателя.

Фотографии не было, вместо нее черно-белый арт, изображающий парня с длинными темными волосами.

– Похоже, он, – согласила Тина, пробежав взглядом по ленте: сплошные новости о книгах и цитаты из «Мертвого месяца», как назывался триллер. – Только он не в сети.

– Потом напишет. Если захочет, конечно. Но мы сделаем все, чтобы заинтриговать его.

Никита набрал короткое сообщение: «Сувор, то что вы описали в «Мертвом месяце» – правда? Мы находимся сейчас в «Моркиной горе», и нас шестеро». Он поколебался мгновение и оставил в сообщении номер телефона.

– Может, после не выйдет подключиться, – пояснил Никита.

Тина выждала мгновение, потом собралась с духом, точно перед прыжком в прорубь, и произнесла, глядя ему в спину:

– Мне снился этот дом.

У Тины возникло ощущение падения со скалы в море. Когда понимаешь, что под тобой, но вода слишком темная, слишком холодная, и неизвестно, есть ли в этом месте отмель или большие камни, о которые немудрено разбиться. И вот ты решаешься и делаешь шаг в неизвестность, а потом летишь вниз камнем и мечтаешь об одном: отменить это, но уже слишком поздно.

Без паузы она начала рассказывать свой сон, про связь с умершими. Казалось, если она замолчит хоть на мгновение, то собьется и будет уже не в силах продолжать дальше. Никита развернулся и слушал не перебивая, лишь покусывал губы, точно Тина говорила о том, что его самого волновало.

– Я запру вечером дверь, – пообещал он, – а еще можно чурбаном для колки дров подпереть.

Тина перевела дыхание:

– Ты мне веришь?

Никита посмотрел в сторону:

– У меня был недавно один случай.

И он тоже поведал о том, что с ним произошло. Откровенность в обмен на открытость.

...Стояла весна, настоящая весна, когда наступило тепло, и все переоделись из теплых курток в плащи и ветровки. Снег почти везде растаял, кроме большой ледяной кучи, расположенной на площадке возле котельной. В сигаретных окурках, потемневшая и ноздреватая, куча казалась несокрушимым исполином, но Никита знал: и ее время придет, совсем скоро. Всего лишь через пару недель. У них с Джеком, рассел-терьером, был один и тот же любимый маршрут. Сперва Джек привычно обнюхивал опоры перил крыльца, после задира лапу возле урны и затем спешил на пустырь, где давно собирались собаки и собачники со всего района. Пустырь этот, разделявший два дома, почему-то не застраивался. Говорили, что под землей проложена теплотрасса и силовые кабели, потому на нем не сажали даже деревья и кустарник. Никита размышлял с друзьями, что на пустыре могли бы соорудить спортивную площадку, но и ей не нашлось места. Зато там росла трава, которую регулярно косили летом, и были протоптаны дорожки, как владельцами собак, так и людьми, которые стремились сократить путь до метро.

В тот день Никита вернулся из школы в пять часов и решил выгулять Джека, да и самому хотелось прошвырнуться – уж больно хорошая погода стояла. Он пристегнул поводок к ошейнику, и они с Джеком отправились по дорожке, пересекавшей пустырь по диагонали. Джек рвал поводок, ему хотелось побегать, Никита его понимал. Его переполняла радость: синева, солнце, желтые брызги мать-и-мачехи, первая зелень. Хотелось мчаться, как в детстве, ну или как Джек. И Никита перешел на быстрый шаг.

Мальчик шел навстречу; почему-то Никита не сразу его заметил. Он скользнул по пацаненку взглядом: мелкий, лет четырех-пяти от силы. Одет в теплую, не по погоде куртку и голубую шапку, из-под которой выбивались светлые пряди. Лицо мальчишки показалось смутно знакомым, где-то его Никита видел. Да и тот смотрел на Никиту с любопытством. Мальчик прошагал мимо, и Никита застыл, резко натянув поводок, из-за чего Джек с удивлением устоялся на хозяина. Мелкий был один, без родителей.

Никитин район считался благополучным, дети в нем гуляли под присмотром матерей и других родственников, самого Никиту из школы встречала бабушка, лет до десяти. Сами по себе водились стайки детей из южных стран, бывших союзных республик, да и то под надзором старших братьев или сестер. А этот брел в одиночестве. Такого просто не могло быть! Никита решил остановить мальчишку. Он обернулся, того нигде не было.

– Я всего метров десять прошел, он не мог никуда деваться, – сказал Никита.

Тина внимательно выслушала его, не перебивая. Она знала, как трудно делиться подобными вещами. Да зачастую и не с кем – кто же поверит?

– Мы с Джеком оббегали все вокруг, как сквозь землю провалился. И еще, – он перевел дыхание, – мальчишка был странный. Одежда у него не современная. Чистая, без дырок, но сейчас так не одеваются. Ну если в деревнях только, куда городские родственники везут старое барахло. И еще...

Никита смотрел куда-то вдаль, собираясь с мыслями.

– Я говорил, что мальчишка показался знакомым. Я его видел лет одиннадцать назад примерно. На фотографии. Они везде висели: на подъездах, на заборах, на детской площадке. «Пропал мальчик». Мне кажется, это был он. Но ведь так не может быть?

Тина сжала его ладонь.

– Мы многого не знаем. Мне кажется, помимо нашего мира существуют и другие. Глупо, да?

Никита отрицательно замотал головой:

– Я так не считаю.

– У нас просто знаний не хватает. Или органов для восприятия.

Тина погладила его по ладони.

– Но я же не сумасшедшая, и я вижу мертвецов. Может, из-за того что при рождении у меня была асфиксия, и я одиннадцать минут не дышала? Какие-то компенсационные способности мозга?

– А раньше это спало, пока не последовал толчок? – предположил Никита.

– Да.

– Лучше бы встретила этого мальчишку, – вздохнул Никита, – спросила бы, куда он тогда пропал. Мне мама рассказывала, непонятная история.

– Расскажи, – попросила Тина.

Никита сосредоточился:

– Я маму спросил в тот вечер, помнит ли она про пропавшего мальчишку из дома напротив? Нашли его или нет? Она ответила, что искали Славика долго – его так звали. Объявления были развешаны, район с собаками прочесывали, на стройке неподалеку все обыскали. Наш же район молодой, мы одними из первых в него въехали. Но без следов. А потом родители его переехали куда-то и все затихло.

С улицы были слышен хохот: Костя травил очередную байку. Ветер доносил запах шашлыка и дыма, а может, пахло от их одежды. И в тот же момент чудилось, что Тина с Никитой оказались отрезаны от прочего мира. Они вдвоем, старый чердак и тени прошлого.

– Мама знала ту женщину, мы иногда гуляли вместе, хотя я этого мальчишку только из-за фоток вспомнил. У него еще старший брат был. В тот день, когда Славик пропал, они гуляли на площадке возле пустыря. Брат лазил на горке, а Славик спрятался за кусты, но мать его видела: пальчики и голубую шапку. А потом, раз, отвлеклась на секунду, а его уже нет.

Со двора донесся крик:

– Эй вы, скоро там? Куда пропали?

– Сейчас спустимся, – ответил Никита и добавил для Тины: – Там некуда пропасть, совсем. Небольшие кусты, а за ними пустырь, где я его встретил через одиннадцать лет. Если это он был. Кусты сразу же после этого случая спилили.

Тине хотелось сказать что-то успокаивающее. Что это был никакой не Славик, а ребенок из неблагополучной семьи. Но врать она не любила.

– Наверное, его потусторонники забрали, я так леших, кикимор и мавок называю, – произнесла Тина. – Мне бабушка говорила, что нельзя ребенка ругать, типа «пусть леший заберет тебя». Это к худу, ребенок пропасть может. Вот как этот мальчишка.

Никита молча кивнул, он снова ушел в себя.

– И цвет кожи у него странный был, желтый, – невпопад произнес он. – Давай, пойдем к нашим.

Интерлюдия вторая. Дорога в тумане

За несколько лет до описываемых событий.

На улице будто кто опрокинул цистерну с молоком, и теперь оно расплескалось по пустынным дворам, пролилось за околицу и надежно спрятало ближайшние дома. Протяни руку – не увидишь. Идти пришлось наугад, хорошо, что дорога была всего одна, а направление Шева запомнил. На мгновение Сувору пришла в голову мысль – сбежать, но он ее отбросил: как потом возвращаться? В ночь идти сквозь туман до электрички – не вариант, а за побег от остальных прилетит. Их должно было быть семеро, если еще и Сувор подведет, Шева это так не оставит.

Под ногами противно чавкало. Хорошо, что Сувор отыскал резиновые сапоги, и теперь ноги не мокли. Челяба поскользнулся и едва не загремел в грязь. Едва удержался и от души многоэтажно выматерился.

– Пасть заткни, – из тумана материализовался Шева. – Кладбище близко.

Он вновь исчез, а Сувор успел рассмотреть тяжелый, полный ненависти взгляд Челябин, брошенный, точно копье, вслед Шеве.

– Ноги быстрее передвигай, – Челяба решил отыгаться на Сим-Симе.

Сувор ощутил краткую вспышку ярости: вот же урод! Нашел на ком. Он сочувственно посмотрел на Сим-Сима, а вслух произнес:

– Нельзя быстрее, не видно ни хрена.

Челяба посмотрел исподлобья, но промолчал. Все же он не был таким говнюком, как Шева.

Когда Челяба отвернулся, Котеньши подняла вверх большой палец – мал, одобряю. Сувор мысленно напомнил себе: главное, не напиться потом. Потому что от такой роковой красотишки не отобьешься. Горгулья взяла Челябину под локоть и принялась успокаивающе наглаживать. Сувор приуныл: да-а-а, с нею у него без единого шанса. Похоже, одна парочка уже образовалась. Ну что ж, тем меньше у него причин оставаться в этой компании. Пусть без него развлекаются в дальнейшем на кладбищах.

Шева включил противотуманный фонарь. Его свет пробивался через взвешенную муть, которая окружала их. Оказывается, Сувор с компанией уже вышли из деревни. Впереди, прорвав строй деревьев, виднелись могилы. Сувор поежился: было в этом зрелище что-то мистическое. Вечер, переходящий в ночь, небо без единой звезды и белая завеса, которая притупляла бдительность. Вдалеке раздался вой, резкий, захлебнувшийся на высокой ноте. Сувор вздрогнул, Горгулья сильнее прижалась к Челябине.

– Эт-то волки? – с запинкой спросила Котеньши.

– Какая разница? – буркнул Шева. – Сюда они не сунутся, нас много.

Сувор с ним не был согласен. Читал он у Джексона Лондона про огромные стаи, которые от голода жрали друг друга. Их, людей, здесь шестеро, волкам на один зубок. Но он промолчал. Сим-Сим, сделавшийся еще меньше, затравленно озирался. Да что увидишь в таком тумане? Нарочно он, что ли, разлился? Будто предупреждая: не будите лихо, убирайтесь отсюда подобру-поздорову.

– Эй, Шева, а что ты у дьявола требовать собираешься? – неожиданно спросил Челяба.

– А тебе зачем? – откликнулся тот. – Я же тебя не спрашиваю. Хотя с тобой и так понятно: чтобы девки липли.

– И ничего не это, – Челяба отстранил Горгулью. – У меня другое.

– Тогда бабло, – продолжил Шева.

Челяба замолчал. Сувор решил, что тот не промолвит ни слова, как Челяба вдруг резко ответил:

– Что ты вообще обо мне знаешь?! Думаешь, я тупой?! Да я потому в вуз не пошел, что бабло зарабатывать нужно. У меня мать болеет, врачи сказали готовиться.

Разговор оборвался. Компания прошла мимо разрушающейся церкви. С куполов исчезла позолота, с колокольни сняли колокола. Наверное, местные сдали в пункт приема цветного металла.

– А мне деньги нужны, – вклинилась Горгуля. – Будут деньги – не будет проблем.

– Будет власть – будут и деньги, – поправил ее Шева.

– Лучшие бригаду свою сколоти, – посоветовал Челяба. – Поднимешься на правильных пацанах.

– Умный человек сказал в девяностые, – Шева задумчиво смотрел вперед: – «Время комсомольских вожжаков закончилось, наступило время бандитов. Только время бандитов продлится недолго, и тогда вернемся мы». Так вот, он оказался прав.

– Ну и? – не понял Челяба. – Ты весь из себя такой правильный, крутой. Небось, нигде не засветился, что духов на кладбище вызываешь. Сам пробьешься.

Шева сорвал засохшую травинку и теперь внимательно изучал ее.

– Там своя плотная команда: друзья, соратники по прежним временам. А еще дети и внуки. Чужих во власть не пустят. Так, дадут с краюшку постоять.

Челяба обернулся назад:

– Котеньши, а ты чего хочешь?

Та неожиданно смутилась, на ее лице выступили красные пятна.

– Я тебе и без гадалки отвечу, Челяба, – Шева пристально всмотрелся в Котеньши. – Любви она хочет, большой и чистой. Так?

Котеньши залилась пурпурной краской, на ее глазах выступили слезы: Шева попал в десятку.

– А Сим-Сим, – начал Челяба, но Шева оборвал его: – Сим-Сим не для этого, нам открывающий нужен.

У Сувор никто ничего не спросил, все и так знали, что он мечтает стать писателем. Не одним из тысяч, а великим. Таким, чтобы все люди его в лицо знали, автографы на улице просили, чтобы поклонницы стены подъезда исписывали. Мировая слава – что может быть лучше? Миллионные тиражи, под статью им гонорары, напугавшие фильмы, снятые по книгам, встречи с читателями, переговоры с издателями... Список стремился к бесконечности.

Черные остовы деревьев выплывали из дымчатой пелены, пугая до мурашек. Они как безмолвные свидетели проплывали мимо и вновь исчезали в мутной завесе. Сувору чудилось, что деревья живые: сейчас подкрадутся и пронзят ветвями, точно пиками. Звуки и шорохи пугали, казалось, их производят чудовища, которые подбираются все ближе. Сувор покосился на остальных: Горгуля прилипла к Челябе, как сямский близнец, Котеньши шагала с напряженным лицом, Сим-Сим шел, не поднимая головы. Все старательно делали вид, что им не страшно.

Шева направился вглубь кладбища. Внезапно Сувору захотелось подбежать и отвесить ему пендаль. Такой, чтобы тот носом зарылся в мокрую землю. Он мысленно одернул себя: что это на него нашло? Шева, видимо, что-то почувял, даже нос дернулся.

– Не ссыте, – сказал, словно подачку кинул. – Все будет тип-топ. Я вас специально сюда потащил: тут старое место. Еще в древности здесь обряды проводили.

Почему-то Сувор не почувствовал от этих слов никакого облегчения, наоборот, ужас нарастал. Больше всего ему хотелось броситься прочь отсюда.

«И мёртвый месяц еле освещает путь,

И звёзды давят нам на грудь, не продохнуть...»

С вызовом всему миру Сувор загорланил песню. Он был уверен, что Шева прикажет заткнуться, но тот хранил угрюмое молчание.

«И воздух ядовит, как ртуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.